

Deutsche Namenkunde: Deutsche Ortsnamen. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1954. Bd. II. – 613 s.; **42.** *Belbok A.* Die Ortsnamen im Deutschen. – Bln.: Walter de Gruyter, 1944. – 126 s.; **43.** Der Brockhaus Deutschland. – Mannheim, Lpg.: 2009. – 991 s.; **44.** *Brückner A.* Słownik Etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1957. – 805 s.; **45.** DUDEN Deutsches Universalwörterbuch. – Lpg., Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2007. – 2016 s.; **46.** Encyclopedia of Ukraine (St-Z). – Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press Incorporated, 1993. – 886 p.; **47.** *Gabriel I.* Phantasie oder Realität // Beyerlein G. Die Kette der Dragomira. – Würzburg: Arena, 1989. – S. 158-167; **48.** *Graßmann A., Schmidt R.* Lübeckische Geschichte. – Lübeck, 1988. – 168 s.; **49.** *Jezowa M.* Dawne słowiańskie dialekty meklenburgii w świetle nazw miejscowych i osobowych. Słotwortstwo Zeszyt II. – Wrocław–Warszawa–Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1962. – 130 s.; **50.** Meyers Großes Konversationslexikon 19 Bd. – Lpg., Wien: Bibliographisches Institut, 1908. – 1024 s.; **51.** OTTŮV Slovník Naučný 20. Div. – Praha: J. Otto, 1907. – 1077 s.; **52.** *Paul H.* Mittelhochdeutsche Grammatik. – Halle / Saale: VEB Max Niemeyer Verlag, 1953. – 293 s.; **53.** *Trautmann R.* Die slavischen Völker und Sprachen. – Göttingen: Vandenhoeck Ruprecht, 1947. – 173s.; **54.** www.germazone.uni-trier.de/woerterbuecher **55.** www.ückermünde.de **56.** www.wikipedia.de.

Моллаахмаді Амирреза (Київ, Україна)

О некоторых сложных случаях установления происхождения лексических ориентализмов в русском и украинском языках

У статті розглядаються деякі випадки перських запозичень у слов'янські мови (зокрема російську та українську), що в етимологічних словниках кваліфікуються як арабізми або тюркізми.

Ключові слова: *орієнталізми, іранізми, лексика, етимологія, джерело запозичення, посередник запозичення.*

В статье рассматриваются некоторые случаи персидских заимствований в славянские языки (в частности, русский и украинский), которые в этимологических словарях квалифицируются как арабизмы или тюркизмы.

Ключевые слова: *ориентализмы, иранизмы, лексика, этимология, источник заимствования, посредник заимствования.*

The article observes with some cases of Persian loanwords in Slavic languages (in particular, Russian and Ukrainian), which in etymological dictionaries are classified arabisms or turkisms.

Key words: *orientalism, iranism, vocabulary, etymology, source of borrowing, the mediator of borrowing.*

Языковые контакты праиранских и праславянских племен известны ещё с древнейших времён. В XIX веке русские языковеды уделяли пристальное внимание исследованиям подобных контактов. В связи с этим можно вспомнить имена Ф. Е. Корша, А. И. Соболевского, а также выдающегося украинского учёного И. И. Огиенко [7]. Позднейшие фундаментальные

сравнительно-исторические труды по данному вопросу принадлежат В.И. Абаеву [1]. Паузы в исследованиях, посвящённых непосредственным славяно-иранским контактам, конечно, можно объяснить сложной политической обстановкой конца XX века. В последнее время интерес к данной проблеме возобновился, но, к сожалению, за редким исключением [10], в основном не в России или в других славянских странах, а в регионах расселения этносов, относящихся к ирано-таджикской культуре [3]. В связи с оживлением славяно-иранских контактов подобные исследования нам представляются весьма **актуальными**, поскольку они помогут составлению словарей, справочников и другой учебной литературы. **Новизна** исследования заключается в том, что здесь предпринята попытка пересмотреть традиционные взгляды на известные с давних времён ориентализмы в славянских языках, которые в авторитетных источниках квалифицируются не как персицизмы, а как арабизмы, тюркизмы, либо даже заимствования из греческого языка.

Материалом данного исследования послужили Этимологический словарь украинского языка [6], а также один из новейших русских словарей иностранных слов [4].

Цель данного исследования – осуществить лексико-семантический анализ лексических заимствований из персидского языка в русском и украинском языках. В данной работе проанализировано 13 слов, которые были заимствованы из восточных (персидского, арабского, турецкого) языков в русский и украинский языки. Наша задача – определить роль персидского языка в процессе заимствования ориентализмов, поскольку современные словари не всегда точно определяют, был ли он источником или посредником при заимствовании.

Ещё И.И. Огиенко отмечал, что часто при заимствовании персицизмов в русский и украинский языки роль посредника при этом выполняли тюркские и, в частности, турецкий язык [7]. Однако, на наш взгляд, при этом роль тюркского посредничества преувеличена и, наоборот, почти не говорится о посредничестве других языков. Вместе с тем нам представляется очень значительным замечание И. И. Огиенко о том, что огромным было иранское влияние на тюркоязычных волжских булгар [7, 26-29]. К этому замечанию следует присмотреться повнимательнее и поискать иранизмы прежде всего в современном татарском языке как преемнике языка волжских булгар.

Впрочем, иранские (а на начальном этапе еще даже индоиранские) племена контактировали не только со славянами и тюрками, но и с другими народами. В таких контактах состояли предки некоторых нынешних финно-угорских народов, проживающих в Российской Федерации в Нижнем Поволжье и Нижнем Прикамье (марийцев, удмуртов, мордвы и др.). Указанные территории были завоёваны ираноязычными скифо-сарматскими племенами, поэтому в языках автохтонного населения оказались иранские заимствования. Название мордвы в форме *Mordens*

впервые упоминается у готского историка Иордана в VI в. н. э. Это же название встречается в X в. у Константина Багрянородного и в западноевропейских письменных источниках XIII в. [2]. Исследователи определяют ирано-скифское происхождение этого этнонима, однако самоназваниями двух этнических групп мордва до XX в. оставались эрзя и мокша. По данным Р. А. Агеевой, этноним мордва, используемый окружающими их народами, был индоиранским заимствованием в значении „человек”, „муж”, „мужчина” (ср. с др.-перс. *martija*, новоперс., тадж. *marǰ* „мужчина”). Такое же происхождение имеют даже некоторые этнические самоназвания, прежде всего удмуртов и марийцев, выделившихся из пермской финно-угорской языковой общности позднее, чем мордва. На языках многих пермских народов до сих пор сохранились слова с общим значением „человек” (марийское *marij*, удмуртское *murt*, коми *mort*). Происходят они от индоиранского слова со значением „человек”, буквально „смертный”. Оно засвидетельствовано, например в древнеперсидском *martiya*, а восходит к тому же корню индоевропейского праязыка, что и русские слова *смерть*, *мертвый*. Первоначальное значение этнонимов объясняется тем, что именно в авестийском языке древних зороастрийцев IV – VI вв. (преемнике древнеперсидского) появляется наименование единого Бога-творца, заимствованное в современные славянские языки (слово *бог*). Это слово образовано от иранского глагола *baga* со значением „давать, наделять, дарить”. Таким образом, перед лицом Создателя человек, осознававший себя творением высшей силы, давшей ему жизнь, ощущал себя смертным, зависящим от воли своего творца. Именно это новое, философски осмысленное самоназвание человека и было заимствовано предками современных угро-финнов, контактировавших с предками современных иранцев. Таким образом, люди, осмыслившие божественный акт творения единого Бога-создателя, могли противопоставлять себя носителям языческого многобожия. Вспомним, что и в современном русском языке наблюдается словоупотребление *смертный* в значении „простой человек” [8].

К общеиндоевропейскому корню восходит ещё одно заимствование из персидского языка. Авестийское слово *varəša* „волос” и персидское *vars* (совр. *gars*) имеют то же значение, что и русское слово *волос*. Персидское слово было заимствовано в русский язык в дополнение к уже имеющемуся, но с новым значением.

Довольно часто при определении этимологии слова трудно выяснить, пришло ли оно в европейские языки из персидского или из арабского. Однако здесь нам поможет сопоставление с материалом украинского языка. Месторождения нефти на территории современного Ирана были известны с древности, да и само слово *нефть* в русском языке именно персидского происхождения (перс. *nefti*). В персидский язык это слово произошло от древнего авестийского *napta-* „влажный”. Некоторые ученые, правда,

связывают его с арабским словом *naft* „извергнутое” от глагола *nafata* „извергать”. Таким образом, в украинский язык проникло арабское заимствование, по всей вероятности, через европейские языки, а в русский – персидское, но пришло оно через турецкое посредничество.

По цепочке „персидский > тюркский > русский” пришло в русский язык слово *деньги*. Оно происходит от тюркского *tenge*, которое в свою очередь заимствовано из среднеперсидского *dang* „монета” (совр. *danag*). В „Хождении за три моря” Афанасий Никитин писал: „а хорасанцам дают алафу по тенке на день” [3, 41].

Персидское слово *čārtāk* в тюркских языках стало развивать свою лексическую семантику по двум направлениям. В персидском языке оно обозначало беседку, павильон. В тюркских языках получило такие значения: тур. *çardak* „беседка на четырех столбах”, каракалпак. *šertek* „навес, шалаш”, крымско-татарск. *čardak* „балкон”, караимск. *čardak* „верхняя комната”. В форме *чертюг* слово пришло в русский язык, видимо, из тюркского языка Волжской Булгарии, а в форме *чердак* – из турецкого.

Бывало и так, что персидские слова приходили в русский не через тюркские языки, а куда более окольным путем. Два русских слова заимствованы из древнеперсидского через древнегреческий. Царь Кир поделил персидское государство на области – *сатрапии*, во главе которых стояли *сатрапы* (др.-перс. *xšātrapaivan* „царства хранитель”). Древние греки передали это слово в виде *satrápēs*, а из него возникло русское слово *сатрап*. Второе такое слово – *маг*. Так назывались жрецы в Мидии – одной из областей Персидского царства. Древние греки записали это слово как *mágos*, а от них оно распространилось по языкам Европы, получив значение „колдун”.

Очень интересны пути проникновения в русский язык персидского слова *алмаз*. Практически все этимологические словари русского языка возводят это слово к греческому заимствованию *ἀδάμας, ἀδάμαντος* (*адамас, адамантос*), опираясь на этимологию М. Фасмера [12]. Именно слово *адамант* (но не *алмаз!*) и было заимствовано в древнерусский язык. Можно отметить, что Этимологический словарь украинского языка повторяет то же самое объяснение, но подчёркивает этимологическую неясность указанного греческого первоисточника, производя его уже от другого греческого слова, со значением „неукротимый”, образованного при помощи отрицания *ἀ-* и глагольной основы *δαμάξω* [6]. Сомнения относительно этой этимологии высказывает В.А. Супрычев, специалист в области геолого-минералогических наук: „Возможно, это не совсем точно, поскольку в словаре древнегреческого языка читаем, что слово „адамас” означает сталь.

Есть основания полагать, что древние почти не знали алмаз и часто путали его с обычным горным хрусталём. Только в Индии алмаз был известен под названием „фарит” на протяжении 5 000 лет” [9, 39]. Применяя известную методику „слов и вещей”, созданную младограмматиками, можно

предположить, что если древние греки не знали алмаза, его название не могло заимствоваться в другие языки из древнегреческого. На наш взгляд, более достоверной представляется иная этимология этого названия. В древнеперсидском языке существовало слово *mās*, заимствованное арабами [13]. Существительные в арабском языке обычно используются в речи с артиклем *al*, и уже в таком виде слово *almās* было заимствовано тюркскими народами, от которых оно перешло в русский язык. Примечательно, что в персидский язык из арабского также произошло обратное заимствование. Таким образом, европейские народы, заимствовавшие слово из греческого языка, приняли язык-посредник за язык-источник. Здесь можно обратить внимание на этимологию другого заимствования, которое на первый взгляд не имеет отношения к слову *алмаз*. В Этимологическом словаре украинского языка подаётся объяснение происхождения украинского слова *діамант*, вытеснившего также бытовавшее в украинском языке слово *алмаз*, от средневекового латинского *diamās* (винительный падеж – *diamantem*) [6]. Заметно, что заимствование произошло именно в косвенном падеже. Примечательно также, что начало слова (*dia-*) в средневековой латыни, по трактовке Этимологического словаря украинского языка, появляется под воздействием греческого *διαφανής* – прозрачный. Важно, что в классической латыни это образование нигде не прослеживается. Таким образом, мы имеем искусственный композит, составленный во времена европейского Средневековья в латинском языке из двух заимствованных корней: *dia* и *mās*. В этом случае можно предположить, что корень *mās* был заимствован европейцами непосредственно из персидского языка либо при посредничестве турецкого, ведь во всех тюркских языках наблюдается заимствование *almas* / турецк. *elmas*.

На наш взгляд, европоцентрические, а иногда и германоцентрические взгляды М. Фасмера иногда мешают современным исследователям русского языка признать хотя бы право на существование иных этимологий. Нет сомнений, что лексикографический труд М. Фасмера является фундаментальным и авторитетным, но он не может в течение столетия оставаться неизменным. Так, например, рассматривая как одну из возможных версий происхождения русского слова *кофта* от тюркского *kafian*, М. Фасмер отбрасывает это предположение как бездоказательное. В качестве самого главного аргумента при этом выдвигается наличие подобных слов в шведском (*kofita*), датском (*kofite*) и норвежском (*kufita*, *kufite*) языках, что и рассматривается как неоспоримое свидетельство германского происхождения [12]. Однако наличие подобных заимствований именно в скандинавских языках, напротив, скорее всего свидетельствует о славянском влиянии. Как считает И. А. Ершова, „немногочисленные заимствования из славянских языков... сосредоточены преимущественно в северо-восточной части германской языковой общности” [5, 19]. При этом М. Фасмер

признаёт, что слово *кафтан* было заимствовано в русский язык из персидского при тюркском посредничестве. Таким образом, можно предположить, что первоначально восточные славяне заимствовали это слово у иранских племён, возможно, при посредничестве тюркских, а затем уже древние варяги заимствовали его у славян.

Особо следует остановиться на этимологии слова *туман*. В древнерусском языке оно было связано со словом *тьма*, имевшем числовое значение „десять тысяч”. С этим же значением связано выражение „*тьма-тьмуца*” – огромное количество [12]. Заимствовано оно в древнейшие времена из тюркских языков периода монголо-татарского нашествия. Именно в Золотой Орде слово „тумен” стало названием воинского подразделения, но и в тюркские языки оно было заимствовано, в свою очередь, из авестийского *dunman-* (туман) *dvanman-* (облако) [12].

Таким образом, для проникновения персидизмов в русский в другие славянские и неславянские языки существовало три пути: 1) непосредственное заимствование (довольно редкое, в основном через прямые торговые контакты; при этом заимствовалось название товара); 2) опосредованное тюркскими языками (так в основном заимствовались слова и термины, связанные с исламом); 3) через европейские языки (греческий, французский, итальянский), при этом посредником между персидским и европейским языком выступал арабский; при таком заимствовании происходило значительное искажение фонетико-морфологического облика слова и сдвиги в семантике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. – М.: Наука, 1965. – 168 с.;
2. *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. – М.: Academia, 2000. – 424 с.;
3. *Асфандияров И.У.* Восточная лексика в русском языке. – Ташкент, 1991.;
4. *Булыко А.Н.* Современный словарь иностранных слов: Более 25 тысяч слов и словосочетаний. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: «Мартин», 2006. – 848 с.;
5. *Ершова И.А.* Введение в германскую филологию. Выпуск III: Лексика древнегерманских языков: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Московского университета, 2002. – 68 с.;
6. *Етимологічний словник української мови: у 7 т. / Редкол.: О. С. Мельничук (голов. ред.) та ін. – К.: Наукова думка, 1983.;*
7. *Огиенко И.И.* Иноземные элементы в русском языке. – К., 1915. – 136 с.;
8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 13-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1981. – 816 с.;
9. *Супрычев В.А.* Самоцветы: Геммологические этюды об ограненных камнях Украины. – К.: Наукова думка, 1980. – 215 с.;
10. *Тищенко К.М.* Мовні контакти: свідки формування українців. – Київ 2006.;
11. Толковый словарь крылатых слов и выражений / Автор-составитель А. Кирсанова. – М.: «Мартин», 2007. – 320 с.;
12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва / под ред., с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1986.;
13. <http://ahmadbabai.persianblog.ir/page/34>.